

УДК 130.2

DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-2-156-163

Частное vs всеобщее в дневниках русской интеллигенции XIX века (А. И. Герцен и Н. А. Добролюбов)

А. А. Иванов^{✉1}

¹ Сибирский университет потребительской кооперации,
630087, Россия, г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, д. 26

Для цитирования: Иванов, А. А. (2019) Частное vs всеобщее в дневниках русской интеллигенции XIX века (А. И. Герцен и Н. А. Добролюбов). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 1, № 2, с. 156–163. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-2-156-163

Получена 15 июня 2019;
прошла рецензирование
24 сентября 2019;
принята 29 октября 2019.

Права: © Автор (2019).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC License 4.0.

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимодействия категорий частного и всеобщего в культуре русской интеллигенции на примере дневников А. И. Герцена и Н. А. Добролюбова. Семантическая пара «частное — всеобщее» является одной из ключевых в социальном коде культуры Модерна и в определении понятия личности. Дискурс персональности, выполняющий функцию трансляции и седиментации культурной модели личности, возникает в русской культуре в среде интеллигенции и отражает специфику ее социальной позиции. Сфера частного, интимного бытия становится предметом социально-философского осмысления и революционного проектирования. Дневниковая литература представителей интеллигенции показывает, как модель личности утверждается в специфической конфигурации сфер интимного и общественного.

Дневник А. И. Герцена является примером того, как обращение к социальным предикатам и исторической перспективе является средством решения противоречий частной семейной жизни. Язык социально-исторических универсалий позволяет ему снять разрыв между мыслью и чувством, возникающий в процессе репрезентации перипетий частной жизни. Дневник Н. А. Добролюбова демонстрирует, как неспособность литературного эмоционального дискурса репрезентировать психофизиологический феномен сексуальности разрешается в обращении к социальным предикатам и социальной критике. Внутренний конфликт трансформируется в социальное противоречие.

Трансформация интимного в социальное происходит посредством отсылки к социальным явлениям и всеобщим категориям, игры идентичности между «я» и «мы», включения личной судьбы в историческую перспективу. Представление частного через всеобщее в дневниках осуществляется на границе между сознательными и бессознательными процессами. На этой границе сфера интимной чувственности приобретает идеологическое содержание, а идеология получает экспрессивные ресурсы личности. Дискурс персональности представляет собой габитус социальной группы интеллигенции, находящейся вне утвержденных институтов. Маргинальность обуславливает обращение к тотальным категориям Истории, Народа, общемировых интересов. «Короткое замыкание» между индивидуальным и всеобщим является формой отрицания существующего социального порядка, утверждения собственной трансцендентности ему и мандатом на преобразование социокультурных форм.

Ключевые слова: русская интеллигенция, личность, дискурс персональности, антагонизм, конструкт, идеология.

Private vs universal in the diaries of the 19th century Russian intelligentsia (A. I. Herzen and N. A. Dobrolyubov)

A. A. Ivanov✉¹

¹ Siberian University of Consumer Cooperation, 26 Karl Marx Avenue, Novosibirsk 630087, Russia

For citation: Ivanov, A. A. (2019) Private vs. universal in the diaries of the 19th century Russian intelligentsia (A. I. Herzen and N. A. Dobrolyubov). *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 1, no. 2, pp. 156–163. DOI: 10.33910/2687-1262-2019-1-2-156-163

Received 15 June 2019;
reviewed 24 September 2019;
accepted 29 October 2019.

Copyright: © The Author (2019).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0.

Abstract. The current research investigates the inter-relation between the categories of private and universal in Russian intelligentsia culture based on the diaries of A. I. Herzen and N. A. Dobrolyubov. The semantic pair “private — universal” is one of the keys in the social code of Modernity culture and in the definition of personality concept. Personality discourse performing the functions of translation and sedimentation of an individual cultural model arises in the Russian culture among the intelligentsia and reflects the specifics of its social position associated with social criticism. The sphere of private, intimate life becomes a subject of socio-philosophical conceptualisation and revolutionary design. The diaries of intelligentsia demonstrate how the personality model was established in a specific configuration of the intimate and the social spheres.

The diary written by A. I. Herzen is an example of how addressing the social predicates and the historical perspective may become a means of resolving the collisions of private family life. The language of socio-historical universals enables Herzen to bridge the gap between thought and feeling that emerges in the process of representing the twists and turns of private life. N. A. Dobrolyubov’s diary demonstrates how the inability of literary emotional discourse to represent the psycho-physiological phenomenon of sexuality is solved in addressing the social predicates and social criticism. Internal conflict is transformed into a social contradiction.

The transformation of the intimate into the social takes place by reference to social phenomena and universal categories, the identity game between “I” and “we”, the inclusion of personal destiny in a historical perspective. The representation of private through universal in diaries is carried out on the edge between conscious and unconscious processes. On this borderline, the sphere of intimate sensuality attains ideological content, while ideology attains the expressive resources of an individual. The discourse of personality is the habitus of intelligentsia, a social group existing beyond the approved institutions. Marginality makes it possible for the intelligentsia to address the total categories of History, People, and global interests. A “short circuit” between the individual and the universal is a form of negating the existing social order, asserting the self-transcendence, and a mandate to transform socio-cultural forms.

Keywords: Russian intelligentsia, individual, personality discourse, antagonism, construct, ideology.

Введение

Оппозиция «частное — всеобщее» — одна из фундаментальных в структуре социального кода культуры модерна. М. К. Петров назвал ее «формулой» европейца, усматривая ее источник в античной культуре (Петров 2004, 148). Эта семантическая пара предполагает разграничение индивидуального бытия и бытия всеобщего и в то же время их взаимную соотнесенность: частная жизнь определяется и оценивается с помощью универсальных понятий, социальное бытие обязательно учитывает индивидуальную жизнь и признает ее в качестве ценности.

Эта оппозиция предполагает также совпадение ее членов в медирующей категории, какой можно считать понятие *личности* (person). Личность — это обозначение социализированной индивидуальности, признаваемой всеобщим свойством, принадлежностью каждого индивида. У понятия личности долгая история, также восходящая к античной культуре (Мосс 2011), но формирование ее «классического» понимания и функционирование в качестве ведущей культурной модели человека и детерминанты социальных отношений относится к обществу модерна (Нового времени).

Категория личности имеет дискурсивный характер, т. е. оформляется и транслируется в

культуре посредством различных *дискурсов личности* — философских, научных, религиозных, эстетических, моральных, правовых и других систем «социальной речи» (Буссе 2007; Плотников 2007). Дискурсы личности в европейском обществе действуют внутри и вместе с политическими и правовыми институтами, но также транслируются в их обобщенной, «метафизической» форме в другие общества, переходящие на путь модернизации и не имеющие соответствующей институциональной поддержки (Куренной 2007).

Примером межкультурной трансляции дискурса личности служит русская культура XIX века, в которой в среде модернизационной группы интеллигенции осваивается идея личности как автономного, отличающего себя от социальных ролей индивида, ответственного за свою судьбу. Специфика седиментации категории личности в мировоззрении русской интеллигенции определяется ее маргинальной позицией в существующей социальной структуре, что означает, что способы концептуализации личности (определения ее позиции в соотношении между частным и всеобщим) разрабатываются вне «ткани» социальной жизни, в индивидуальном или «кружковом» формате, а также в формате формирующихся литературных институций. При этом маргинальность интеллигенции носит, конечно, инновационный и контркультурный характер — она претендует на изменение социокультурного порядка (Живов 1999).

В данной статье ставится проблема отражения дискурса личности в дневниках представителей русской интеллигенции XIX века, а в более конкретной формулировке — как интеллигентский дискурс личности реализуется во взаимодействии категорий частного и всеобщего бытия в дневниках двух значимых фигур — Александра Ивановича Герцена и Николая Александровича Добролюбова. Для решения этой задачи необходимо в первую очередь определить специфику дискурса личности в культуре русской интеллигенции и особенностей репрезентации оппозиции частного и всеобщего.

Дискурс личности в культуре интеллигенции

Формирование дискурса личности фиксируется в русской культуре в первой половине XIX века, в особенности, внутри философско-политических кружков 1830–1840-х годов, к которым относились и западники, и славяно-

филы: Н. В. Станкевич, М. А. Бакунин, В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, А. С. Хомяков, И. С. и К. С. Аксаковы, И. В. Киреевский и др. В попытке преодолеть антагонизмы и контрасты романтизма, а также под сильным влиянием философии Гегеля в этой среде формируются такие аксиологические требования к личности, как *целостность, действительность (реализм) и «деятельность»*. Первое из них предполагает единство внутренних и внешних аспектов личности, способность индивида быть центром и источником своих ментальных содержаний и социальных проявлений. Тогда это свойство обозначалось понятием «консеквентность» — последовательность мыслей и поступков. Второе требовало от личности определенности, укорененности в действительности — актуальном состоянии современного социального мира в противовес романтическому двоимирию. Третье требование утверждало активную позицию личности, направление ее усилий на преобразование действительности.

В контексте взаимодействия частного и всеобщего важную роль играла семантическая пара «разум — чувство», разграничивающая психический мир личности. Разум — это всеобщая способность рационального мышления, на уровне которой один индивид идентичен другому в оперировании универсальными категориями и законами: «Разум, — писал Герцен, — не знает личности *этой*; он знает одну необходимость личностей вообще» (Герцен 1954а, 65). Чувство, напротив, это проявление индивидуальности личности, выражение ее уникальной, интимной сущности.

Императив целостности предполагает, чтобы разумное и чувственное начала личности («голова» и «сердце») не противоречили друг другу, согласовывались в единое целое. Герцен в ряде философских и публицистических работ первой половины 1840-х годов формулирует концепцию единства чувства и разума в деятельной личности в форме гегелевской триады «тезис — антитезис — синтез». Единичность непосредственного чувственного существования преодолевается в абстрактном мышлении, осваивающем категории разумной всеобщности и необходимости и потому отрицающем индивидуальность, но синтезом этих антитез является возвращение индивида как личности, действующей в конкретно-исторической действительности, исходя из внутреннего знания о всеобщем и вместе с тем утверждая свою единичность: «Не отвергнуться влечений сердца, не отречься от своей индивидуальности и

всего частного, не предать семейство всеобщему, но раскрыть свою душу всему человеческому... развить эгоистическое сердце во всех скорбящее, обобщить его разумом и в свою очередь оживить им разум» (Герцен 1954с, 63).

Императив действия диктует практическую реализацию личностной целостности в сфере социальных отношений. Первой, наиболее близкой к человеку является пространство личных взаимоотношений — любовных, семейных, дружеских. Особой темой интеллигентского дискурса стало преобразование межполовых отношений в соответствии с признанием автономии и равенства личности в браке. Наследуя этос эмоциональной связи между партнерами от сентиментализма и романтизма, «реалистический» дискурс персональности прибавляет к нему «искупление, оправдание плоти» (Герцен), а само преобразование интимных отношений приобретает коннотации революционной практики. В этом аспекте сказывается значимое влияние французской литературы и социально-утопической мысли (Ж. Санд, А. Сен-Симон, Ш. Фурье).

Дневник Герцена: семья и история

Начало известных нам дневниковых записей А. И. Герцена относится к 1842 г. — времени второй ссылки в Нижний Новгород. После краткого пребывания в столице брак, державшийся во многом на обоюдном разделении романтической концепции религиозно-мистического союза двух душ, переживает острый кризис. Прежде всего, потому, что после краткого пребывания в столичной среде Герцен устремляет свое внимание к вопросам общественной жизни, осознает свое «общественное призвание». Он обозначает эту потребность как «необходимость обнаружения», «готовность труда»: «Я должен обнаруживаться, ну, пожалуй, по той же причине, по которой пищит сверчок» (Герцен 1954b, 213).

В 1842 г. в «Отечественных записках» публикуется его очерк «По поводу одной драмы», основная мысль которого — пагубность сосредоточения интересов человека в сфере частной жизни и отчуждения от всеобщих интересов. Дневниковые записи этого времени демонстрируют, что это прямой ответ Герцена на семейный быт: «Страшно, лучшие, святейшие отношения, индивидуализируясь и углубляясь в одном личном, грозят страшными ударами» (Герцен 1954b, 276). Социализм привлекателен для него в том числе тем, что должен включить женщин в общественную жизнь: «Зачем они терзаются личным

и счастливы личным? Социализм какую перемену внесет в этом отношении» (Герцен 1954b, 283). Герцен здесь предельно откровенен: сфера всеобщих интересов должна стать громоотводом власти женщин в частной, семейной жизни. Собственно, этот громоотвод он и строит в своем дневнике: «всеобщие интересы» дают ему эффективный инструмент представления себя в модели «действительного человека», независимого от перипетий и невзгод частной жизни.

«Подлинная натура» Герцена, как он ее себе представляет, все более расходится с образом, построенным вместе с женой. Устремленности в потустороннее противопоставляется атеизм и наслаждение жизнью: «Вообще человек должен быть очень осторожен, радуясь, что он миновал бурный период; он может возвратиться вовсе неожиданно. И тут решается спор — разум или сердце возьмет верх. Выше, свободнее, нравственнее — когда разум; но в самом огне, увлечение есть прелесть, живешь вдесятеро» (Герцен 1954b, 214).

Здесь субъективный мир Герцена раздвоен — и нравственный долг разума, и живущее «вдесятеро» сердце. Средством снятия антагонизма становится обращение к фигуре *негативной идентичности*, также носящей обобщенный характер, — это «пиетисты»: «Они, заморившие в себе все, называемое земное, не имеют никакой снисходительности, они жестки, даже свирепы. Любви в них нет, их любовь подложна...» (Герцен 1954b, 215). В данном случае переход от частного суждения к обобщенной фигуре отрицательной идентификации позволяет скрыть собственную раздвоенность, напротив пиетистов «чувство» и «разум» оказываются вместе, на одной стороне.

Переход к социально-историческим обобщениям на основе личных перипетий является дискурсивным способом снять внутренние противоречия и конфликты. Если сквозь конкретные высказывания о личном явно проступает несоответствие языковых конструктов и индивидуальных переживаний, то на уровне социально-исторических обобщений «чувство» полностью совпадает с «мыслью», так как оно сконструировано на ее основе. Комментарии и размышления по поводу книг, исторических деятелей, идеологических оппонентов (славянофилов) вместе с рефлексией личных отношений и несчастий позволяют согласовать сферы интимного и социального и тем самым не только подпитывать заботу о всеобщем личной страстью, но и наполнять осмысленным эмоциональным содержанием личную жизнь. Именно

так Герцен поступит через несколько лет, вдохновив супругу Наталью идеями революционного коллективного брака.

Герцен — гениальный диалектик, остро чувствующий связность и противоречивость жизни, мыслящий парадоксами. Поэтому универсализация частного в социально-историческом процессе у него не может быть исчерпывающей, всегда сохраняется самостоятельная ценность частного: «Настоящее есть реальная сфера бытия. Каждую минуту, каждое наслаждение должно ловить, душа непрерывно должна быть раскрыта, наполниться, всасывать все окружающее и разливать в него свое. Цель жизни — жизнь» (Герцен 1954b, 217).

Добролюбов: физиология и социология

Н. А. Добролюбов — представитель и идеолог другого поколения русской интеллигенции — разночинцев. Разночинная культура середины XIX века формировалась под влиянием реалистических установок в литературе и позитивизма в философии. В дневниковом письме это отразилось в попытках максимально подробно и откровенно зафиксировать «правду жизни». Дневник Добролюбова представляет характерный пример — описание жизни и переживаний молодого студента и литературного критика, в том числе самых откровенных подробностей, из-за которых Н. Г. Чернышевский, редактировавший рукописи после смерти автора, вырезал целые страницы из публикации. Выделим один показательный сюжет.

В записи 1857 г. Добролюбов комментирует «странное обстоятельство», случившееся с ним во время чтения рассказа Тургенева: «Наконец прочитал я “Три встречи” и с последней страницей закрыл книгу, задул свечу и вдруг — заплакал... Это было необходимо, чтобы облегчить тяжелое впечатление чтения. Я дал волю слезам и плакал довольно долго, безотчетно, от всего сердца, собственно по одному чувству, без всякой примеси какого-нибудь резонанса... И между тем в это же время, в минуту самого плача, у меня произошла эрекция и потом истерика. Толкуйте же о платонической любви и безнравственности телесных увлечений... Тут же ровно — никаких безнравственных представлений не было. Правда, я вспомнил о М(ашеньке), но с такой любовью, преданностью, участием, что дай Бог почаще минуты подобных чувств... И все-таки... Странно в самом деле... Даже мне самому» (Добролюбов 1932, 164).

«Станным» здесь следует признать непостижимое единство, парадоксальную синхронность «платонического» чувства, присущего чтению литературного текста, и «безнравственной» сексуальности. «Странно» именно потому, что привычный для того времени дискурс чувственности принципиально разводит духовную и телесную сферы, не допускает их артикулированной интеграции. Добролюбов мыслит в том же ключе и, как типичный читатель-разночинец, мечтает о высокой любви с представительницей высшего сословия, но удовлетворяет телесные потребности с упомянутой проституткой Машенькой. Код, принятый для выражения эстетического аффекта («безотчетно, от всего сердца ... любовь, преданность, участие»), оказывается бесполезным в столкновении с сокровенным совпадением нравственного чувства и «упрямой» телесности.

В то же время письменная фиксация этого совпадения в дневнике подразумевает значимость пережитого опыта не только для автора, но и для воображаемого читателя, фигура которого предполагается во многих местах текста. Значимость этого события обусловлена тем, что оно является яркой иллюстрацией антропологического принципа, сформулированного Л. Фейербахом и утверждающего единство материальных и духовных качеств человека. Следует сказать, что чтение Фейербаха было в то время одним из главных стимулов для перехода к атеистическим взглядам в среде русской разночинной интеллигенции, многие из которых были родом из семей священников. В этом контексте можно вспомнить трактовку психофизиологического дуализма В. Г. Белинского: «Духовную природу человека не должно *отделять* от его физической природы, как что-то особенное и независимое от нее, но должно *отличать* от нее, как область анатомии отличаются от области физиологии» (Белинский 1956, 331). В данном случае Добролюбов сталкивается с невозможностью *отличить* дух от тела при том, что принятый язык выражения эмоций привычно *отделяет* их друг от друга.

Литературный язык эмоциональности оказывается неадекватным в репрезентации интимного единства мысли и чувства и, находясь в его когнитивных рамках, Добролюбов вынужден оправдывать себя посредством подключения фигуры возможного читателя: «Ну, зачем я написал эти строки?? Ведь, может быть, их прочтет кто-нибудь и, полный целомудренного идеализма, с отвращением сделает гримасу...» и эстетической аналогии: «Кстати, — вспомнил я слова Разина, который уверял меня,

что стихотворение Лерм(онтова) “Выхожу один я на дорогу” написано в минуты самого гадкого разгула, в одном из мерзких домов...” (Добролюбов 1932, 164).

Но критический дискурс русской интеллигенции дает инструмент принятия непостижимой целостности, транспонируя ее на уровень социально-исторических обобщений. В этот же день и как бы по другому поводу Добролюбов рассуждает о репрессивно-регулятивных механизмах общества, неспособных подчинить себе естественную природу человека: «Вот уже сколько лет разные господа стараются нас сделать машинами, начинивши нас готовыми убеждениями, подчинивши строгой дисциплине... Но человек все рвется наружу из-за автомата, и только порывы, разумеется, выходят неправильными, дикими, страшными... Точно как запруженная река, отыскивая себе другое русло» (Добролюбов 1932, 166).

Перед нами взаимодействующие фрагменты, в первом из которых субъект сталкивается с иррациональным психофизическим единством, не поддающимся в его непосредственной форме символической интеграции, во втором иррациональность *легитимируется* в превращенной форме — как естественная сущность человека, противостоящая социальному порядку. Отражаясь в зеркале «тотальных» идеологических конструкций, субъект способен принять невозможную «вещь» в себе и направить ее энергию на осуществление идеологического действия.

Заключение

Апелляция к социальным явлениям и всеобщим категориям, игра идентичности между «я» и «мы», включение личной судьбы в историческое движение общества — все это не только элементы общего мировоззрения русской интеллигенции, но и дискурсивные инструменты понимания и перформативного конструирования собственной личности и личного пространства. Обращаясь к социальным предикатам в обозначении личностной позиции и внутреннего мира, субъект дневникового письма воспроизводит фантазматическую фигуру Другого — обобщенного читателя, народа, будущего

поколения, суда Истории, перед которым утверждает свою идентичность и обнажает связь внутренних и общественных противоречий. Можно интерпретировать и в том смысле, что перенос внутренних конфликтов на уровень социальных является компенсирующим возвращением обществу того, что человек получил от него в виде противоречий дискурса и социальной фрустрации.

Важным представляется вопрос о степени бессознательности дискурсивных переходов от частного к всеобщему. Насколько Герцен и Добролюбов осознают связь между дневниковыми записями частного характера и рассуждениями о социально-исторических вопросах? У Герцена это наверняка вполне осознанно: он воспринимал дневник как «рабочую тетрадь» и размышлял над тем, в какой степени его частная жизнь является отражением общественных процессов, о которых он писал в своей публицистике. У Добролюбова во многих случаях социологическая интерпретация обнаруживается несколько позднее, по другому поводу, что свидетельствует, видимо, о бессознательно-автоматическом характере связывания личного и социального. Действующий на границе между сознательными и бессознательными процессами дискурс персональности придает интимной чувственности идеологическое содержание, а идеологические конструкты подпитывает экспрессивными ресурсами личности.

Герцен и Добролюбов в своих дневниках демонстрируют общий габитус, характерный для русской интеллигенции рассматриваемого периода в целом, и отражают общую для многих маргинальную позицию (характер и степень этой маргинальности могут варьироваться), находясь в которой индивид не обнаруживает в институциональной системе общества адекватных средств для выражения его индивидуального состояния, кроме как взывая к *тотальным* инстанциям Истории, Народа, общемировых интересов и т. д. Такое «короткое замыкание» между индивидуальным и всеобщим является формой отрицания существующего социального порядка, утверждения собственной трансцендентности ему и своеобразным мандатом на творение новых социальных и культурных норм.

Источники

- Белинский, В. Г. (1956) *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 12: Письма. 1841–1848*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 596 с.
- Герцен, А. И. (1954а) Дилетантизм в науке. В кн.: *Собрание сочинений: в 30 т. Т. 3*. М.: Изд-во Академии наук СССР, с. 5–88.

- Герцен, А. И. (1954b) Дневник 1842–1845. В кн.: Герцен, А. И. *Собрание сочинений: в 30 т.* Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, с. 199–416.
- Герцен, А. И. (1954c) Капризы и раздумье. В кн.: Герцен, А. И. *Собрание сочинений: в 30 т.* Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, с. 49–102.
- Добролюбов, Н. А. (1932) *Дневники. 1851–1859.* М.: Изд-во всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 203 с.

Литература

- Буссе, И. (2007) История понятий — история дискурса — лингвистическая эпистемология. Философские замечания по поводу теоретических и методологических основ исторической семантики в связи с философией личности. В кн.: Н. С. Плотников, А. Хаардт, В. И. Молчанов (ред.). *Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге.* М.: Модест Колеров, с. 110–135.
- Живов, В. М. (1999) Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции. *Новое литературное обозрение*, № 37, с. 37–51.
- Куренной, В. (2007) К постановке проблемы персональности в русском педагогическом дискурсе середины XIX — начала XX века. В кн.: Н. С. Плотников, А. Хаардт, В. И. Молчанов (ред.). *Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге.* М.: Модест Колеров, с. 294–306.
- Мосс, М. (2011) Об одной категории человеческого духа: понятие личности, понятие «я». В кн.: *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии.* М.: КДУ, с. 326–352.
- Петров, М. К. (2004) *Язык, знак, культура.* 2-е изд. М.: УРСС, 328 с.
- Плотников, Н. (2007) Личность и собственность. Аксиоматика персональности в европейской и русской философии. В кн.: Н. С. Плотников, А. Хаардт, В. И. Молчанов (ред.). *Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге.* М.: Модест Колеров, с. 167–179.

Sources

- Belinskij, V. G. (1956) *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 12: Pis'ma. 1841–1848* [Complete works: In 13 vols. Vol. 12: Letters. 1841–1848]. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 596 p. (In Russian)
- Dobrolyubov, N. A. (1932) *Dnevniki. 1851–1859* [Diaries. 1851–1859]. Moscow: Society of Political Prisoners and Exiled Settlers Publ., 203 p. (In Russian)
- Gertsen, A. I. (1954a) Diletantizm v nauke [Dilettantism in science]. In: *Sobranie sochinenij: v 30 t. [Complete works: In 30 vols.]*. Vol. 3. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., pp. 5–88. (In Russian)
- Gertsen, A. I. (1954b) Dnevnik 1842–1845 [Diary 1842–1845]. In: *Sobranie sochinenij: v 30 t. [Complete works: In 30 vols.]*. Vol. 2. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., pp. 199–416. (In Russian)
- Gertsen, A. I. (1954c) Kaprizy i razdum'e [Whims and meditation]. In: *Sobranie sochinenij: v 30 t. [Complete works: In 30 vols.]*. Vol. 2. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., pp. 49–102. (In Russian)

References

- Busse, D. (2007) Istoriya ponyatij — istoriya diskursa — lingvisticheskaya epistemologiya. Filosofskie zamechaniya po povodu teoreticheskikh i metodologicheskikh osnov istoricheskoy semantiki v svyazi s filosofiej lichnosti [History of concepts — history of discourse — linguistic epistemology. Philosophical remarks about the theoretical and methodological foundations of historical semantics in connection with the philosophy of personality]. In: N. S. Plotnikov, A. Khaardt, V. I. Molchanov (eds.). *Personal'nost'. Yazyk filosofii v rusско-nemetskom dialoge* [Personality. The language of philosophy in the Russian-German dialogue]. Moscow: Modest Kolerov Publ., pp. 110–136. (In Russian)
- Kurennoj, V. (2007) K postanovke problemy personal'nosti v rusском pedagogicheskom diskurse serediny XIX — nachala XX veka [On the problem of personality in the Russian pedagogical discourse of the mid-XIX — early XX century]. In: N. S. Plotnikov, A. Khaardt, V. I. Molchanov (eds.). *Personal'nost'. Yazyk filosofii v rusско-nemetskom dialoge* [Personality. The language of philosophy in the Russian-German dialogue]. Moscow: Modest Kolerov Publ., pp. 294–306. (In Russian)
- Mauss, M. (2011) Ob odnoj kategorii chelovecheskogo dukha: ponyatie lichnosti, ponyatie “ya” [Of one category of the human mind: The notion of person; the notion of self]. In: *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noj antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow: KDU Publ., pp. 326–352. (In Russian)
- Petrov, M. K. (2004) *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, sign, culture]. 2nd ed. Moscow: URSS Publ., 328 p. (In Russian)
- Plotnikov, N. (2007) Lichnost' i sobstvennost'. Aksiomatika personal'nosti v evropejskoj i rusской filosofii [Personality and property. The axiomatics of personality in European and Russian philosophy]. In: N. S. Plotnikov, A. Khaardt, V. I. Molchanov (eds.). *Personal'nost'. Yazyk filosofii v rusско-nemetskom dialoge* [Personality. The language of philosophy in the Russian-German dialogue]. Moscow: Modest Kolerov Publ., pp. 294–306. (In Russian)

Zhivov, V. M. (1999) Marginal'naya kul'tura v Rossii i rozhdenie intelligentsii [Marginal culture in Russia and the birth of the intelligentsia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 37, pp. 37–51. (In Russian)

Сведения об авторе

Андрей Анатольевич Иванов, e-mail: larsandr@mail.ru

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и истории Сибирского университета потребительской кооперации

Author

Andrey A. Ivanov, e-mail: larsandr@mail.ru

Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy and History, Siberian University of Consumer Cooperation